

УДК 069+303.833.5

О. В. Беззубова

СОВРЕМЕННЫЙ МУЗЕЙ КАК ИНСТАНЦИЯ ДИСКУРСА «НАЦИОНАЛЬНОГО»

Большинство исследователей истории музея сегодня согласны с тем, что начало формирования современной музейной сети приходится на конец XVIII – начало XIX вв., то есть совпадает по времени со вступлением западноевропейского общества в эпоху промышленного капитализма, что предполагает как изменение системы экономических отношений, так и появление государства нового типа – национального государства. Поэтому мы будем исходить из того, что музей не является автономным явлением культуры, его появление в качестве особого института было связано с совокупностью исторических задач, на решение которых был направлен целый ряд дискурсивных практик¹, таких, как наука, образование, политика, идеология. Одной из важнейших причин, обусловивших появление музея нового типа, была необходимость формирования национальной идентичности.

Сегодня, когда переход к обществу нового типа – постиндустриальному обществу – рассматривается как необратимый и близящийся к своему завершению процесс, большинство идентичностей прошлого оказываются нерелевантными, и, одновременно, формируются новые стратегии самоидентификации. Так, по мнению ряда исследователей, основная форма идентичности, сформировавшаяся в XIX в. на основе национального государства, сменяется новой формой «пост-национального»². Под сомнение ставятся сами основания национального государства. Если в недавнем прошлом такие ключевые для дискурса национального концепты, как раса, этнос, нация, государство рассматривались как объективные феномены, изучаемые соответствующими научными дисциплинами, то сегодня их все чаще рассматривают как результат идеологического конструирования. Одновременно, подвергается критическому пересмотру представление об «объективном» научном видении, эволюционизм, статус исторического знания и другие способы легитимации дискурса национального. В том, что раньше воспринималось как объективная истина, сегодня представители социальных наук склонны обнаруживать скрытые политические предпосылки. Такие процессы как глобализация, формирование государственных образований нового типа (таких

¹ Термин «дискурсивная практика» понимается здесь в том значении, которое ему придавал М. Фуко, в частности, в работе «Археология знания». Для М. Фуко, возможность «выведения в дискурс», т.е. возможность «говорить» о чем-либо в рамках той или иной дискурсивной формации, связана со сложной системой отношений, устанавливаемых между институтами, экономическими и социальными процессами, формами поведения, технологиями, типами классификаций. Эти отношения предлагают дискурсу его объекты, определяют стратегии, которым он следует.

² Проблема артикуляции дискурса пост-национального в современном музее рассмотрена, в частности, в статье: Macdonald Sh. J. Museums, national, postnational and transnational identities // *Museum and Society*. March, 2003. Vol. 1. № 1. P. 1-16.

как «единая» Европа) и миграция также оказывают влияние на изменение традиционных представлений об идентичности.

Проблема «нации» и «национального» активно обсуждается в социальных науках в последние десятилетия. Так, Б. Андерсон рассматривает нацию как воображаемое политическое сообщество, отрицая тем самым объективную сущность данного феномена³. В данном контексте нельзя не упомянуть также совместную работу Э. Балибара и И. Валлерстайна «Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности». С точки зрения Э. Балибара, противопоставление между «реальным» и «воображаемым» сообществом должно быть отброшено, поскольку «всякое социальное сообщество, воспроизводимое благодаря функционированию институтов, является воображаемым».⁴ Согласно Б. Андерсону, идея национального предполагает, что человек должен чувствовать общность с людьми, с которыми его не связывает личный опыт. Поэтому идентификация с той или иной национальной общностью не может быть основана на социальных отношениях, но только на культурных. То есть, формирование национального государства предполагает общность культуры – знаний, практик, ритуалов, символов и их репрезентации. Одним из таких инструментов, согласно мнению ученого, является музей, который выступает в данном случае как пространство, в котором конструируется и репрезентируется история как эквивалент коллективной памяти. И хотя Б. Андерсон разрабатывает свою концепцию, главным образом, на примере новых постколониальных государств, его выводы вполне применимы и для описания процесса формирования национальной идентичности в европейской истории. Как отмечает по этому поводу Ш. Макдональд, сам факт наличия музея является своего рода «перформативным высказыванием», указывающим на наличие идентичности⁵.

Ш. Макдональд заимствует термин «перформатив» в концепции языка, разработанной Дж. Остином. Перформатив для Дж. Остина – речевой акт, то есть высказывание, имеющее своей целью не сообщение какой-либо информации о реальном положении дел, а изменение этого положения⁶. Однако, у Дж. Остина перформатив имеет чисто языковую природу, тогда как музей или выставку с точки зрения Ш. Макдональда следует рассматривать как «материальные перформативы». Таким образом, само их физическое наличие представляет (perform) национальную идентичность и способствует производству аффекта – например, чувства гордости. Перформативное измерение музея может быть также понято (в наиболее общем смысле данного термина) в качестве площадки для осуществления особого рода социального ритуала. Как отмечает Э. Балибар: «Народ формируется из разнородного населения, подчиненного общему закону. Но во всех случаях модель единства нации должна

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

⁴ Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003. С. 109.

⁵ Macdonald Sh. J. Museums, national, postnational and transcultural identities. P. 3.

⁶ «Произнося перформативное высказывание, мы всегда осуществляем некоторый акт, или, что то же самое, выполняем некоторое действие, которое, видимо, едва ли смогли бы выполнить каким-то другим способом, по крайней мере, с той же точностью». См.: Остин Дж. Л. Перформативы – констативы // Философия языка. Ред.-сост. Дж. Р. Серл. М., 2010. С. 23.

«предвосхищать» ее формирование: процесс унификации <...> предполагает выработку *особой* идеологической формы. Она должна быть одновременно и массовым феноменом, и феноменом индивидуации, осуществлять «обращение к индивидам как к субъектам» <...>, наделенное гораздо большей мощью, чем просто вдалбливание в головы политических ценностей, или, скорее, включающее это вдалбливание в более элементарный процесс <...> фиксации аффектов любви и ненависти, а также представления о “себе”». ⁷ Э. Балибар поясняет, что эта идеологическая форма должна стать априорным условием коммуникации между индивидами – «гражданами», а также между социальными группами так, чтобы различия между ними не стирались, но становились менее значимыми, уступая символическому различию между «нами» и «чужаками» (иностранцами), которое должно переживаться как нередуцируемое.

Таким образом, суть социального ритуала, разыгрываемого в музее, сводится к конструированию границы между «своим» и «чужим». При этом артефакты других культур могут «присваиваться». Обладание такими артефактами было важно в первую очередь для колониальных государств, так как этнографические предметы рассматривались как подтверждение власти метрополии, распространяющейся за пределы ее формальных границ, а также давали возможность для сравнения своей культуры с культурами чуждыми, разумеется, не в пользу последних. Но подобное присвоение могло осуществляться и на основе наследия иных эпох, так, для немецкой национальной идеологии XIX в. исключительное значение приобретает античность. Тем самым музей давал возможность не только проследить историю собственной нации, но и вписать ее в мировой исторический процесс. Поскольку в рамках конструирования национальной идентичности необходимо было решить одновременно несколько задач, в том числе обозначить границы между «своим» и «чужим», а также определить роль конкретной нации в мировом историческом процессе, определяющее значение, в том числе и в формировании музейных коллекций, начали играть такие научные дисциплины, как история, антропология, этнография, археология, история искусства.

В современном мире не только меняются представления об идентичности, но и на смену сообществам прошлого приходят новые социальные образования, а также появляются новые, более эффективные средства репрезентации идеологии. Поэтому столь важным становится вопрос о том, какие смыслы может выразить современный музей посредством музейного предмета в условиях, когда такие «позитивные» общности, как этнос, нация, государство, существование которых поддерживалось всей системой социальных наук конца XIX – начала XX в., поставлены под сомнение.

Просветительский дискурс XIX – начала XX в. исходил из того, что вещь является наиболее эффективным средством наглядного представления идеи. Значительная часть усилий музейных работников этого периода была направлена на согласование «объектных»

⁷ Балибар Э. Нация как форма: история и идеология // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003. С. 111.

рядов с ключевыми моментами легитимирующего нарратива (например, теория эволюции во всех ее проявлениях: от эволюции биологической до эволюции «духа», воплощенного в исторических стилях или определенной форме государства). Иными словами, музей из собрания случайных вещей, редкостей необходимо было превратить в рационально-организованную систему, наглядно репрезентирующую исторический процесс. Невозможно не согласиться с Ш. Макдональд, отмечающей, что западная культура, в том числе и благодаря музейным экспозициям, сформировала особое отношение к предмету, построенное на иллюзии «объективного видения»⁸. В том числе, это отношение значимо для формирования такой категории как этнографический предмет⁹. Посредством этнографических предметов этносы и расы не только могут быть наглядно представлены в музее как поддающиеся классификации, описанию, имеющие четкие границы, но также может быть прослежена их эволюция, взаимосвязь, иерархия. Таким образом, не просто объективируются такие концепты, как нация, раса, этнос, но и маскируется их идеологический смысл.

В отечественном музееведении вопрос о роли музейного предмета в репрезентации национальной идентичности приобрел особенную остроту в конце 1980-х гг., то есть в период, предшествовавший распаду СССР и началу процесса формирования новой, постсоветской идентичности. В этот момент становится очевидным, что старые идеологические схемы не работают и не отражают стремительно меняющуюся политическую ситуацию, в том числе рост национализма и обострение межнациональной розни. В отечественной этнографии в этот момент активно обсуждается проблема «национального самосознания»¹⁰, а в музееведении – то, какие смыслы могут быть выражены при помощи этнографического предмета в музее. Эта проблема была рассмотрена, в частности, в работах В. А. Дмитриева¹¹, где он обращает внимание на некоторые, ключевые с нашей точки зрения, проблемы. Во-первых, на то, насколько совместимы научный дискурс этнографии с автостереотипами носителей этнической культуры, поскольку игнорирование этого фактора может негативно расцениваться представителями этноса. И, во-вторых, можно ли посредством музейного предмета выразить изменения, происходящие в национальном самосознании на современ-

⁸ *Macdonald Sh. J.* Museums, national, postnational and transcultural identities. P. 3.

⁹ «... этнографическим предметом является такой материальный предмет, который содержит информацию об этнических проявлениях традиционно-бытовой культуры». См.: *Коновалов А. В., Тимофеев Е. Я.* Понятие «этнографический предмет» // Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников. Сборник научных трудов. Л., 1987. С. 17.

¹⁰ *Дробизьева Л. М.* Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. 1985. № 5. С. 3-16; *Александренков Э. Г.* «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 13-23; *Джарылгасинова Р. Ш.* Теория этнического самосознания в советской этнографической науке (основные аспекты проблемы) // Советская этнография. 1987. № 4. С. 9-22.

¹¹ *Дмитриев В. А.* Национальное самосознание и музейная этнология // Изучение национального самосознания в этнографическом музее. Материалы семинара. СПб., 1998. С. 3-16; *Дмитриев В. А., Калашиникова Н. М.* О принципах комплектования этнографических экспонатов на современном этапе // Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников. Сборник научных трудов. Л., 1987. С. 3-15.

ном этапе в условиях, когда традиционные предметы быта, национальная одежда, типы жилища исчезают из обихода, замещаясь стандартизированной продукцией.

В западном музееведении статус музейного предмета подвергается более радикальному пересмотру. Большее значение, нежели научная репрезентативность, приобретает эмоциональная нагруженность предмета, его способность вызывать переживание особого рода. То есть предмет рассматривается не как носитель однозначного смысла, но как то, что дает возможность множества интерпретаций. Эти изменения артикулирует, в частности, Г. Каванах в статье «Создавая истории, создавая воспоминания»¹². По ее мысли (и это положение представляется весьма значимым для современного осмысления музея), музей не является местом воплощения, репрезентации исторического знания. Музей – это пространство, в котором история производится. Отметим, что Г. Каванах употребляет слово «история» во множественном числе (*histories*), тем самым отрицая возможность истории как единого нарратива, воплощающего государственную идеологию. В процессе производства истории задействованы как кураторы, производящие отбор объектов, организующие их в экспозиции, вкладывая в них определенный смысл, так и посетители, приходящие в музей со своими установками, жизненным опытом, убеждениями. Таким образом, музей превращается в площадку, где встречаются официальные версии истории (*histories*), предлагаемые вниманию публики посредством экспозиции, и та часть индивидуального или коллективного опыта, которую можно было бы обозначить как воспоминания (*memories*).

Противопоставление истории и памяти, ключевое для переосмысления роли музейного предмета, предложенного Г. Каванах, восходит к концепции французского историка П. Нора¹³. Согласно П. Нора, история всегда политична, или же, в более широком смысле, идеологична. История – не просто научная дисциплина в ряду других, ей отведена более важная роль – быть «памятью нации», то есть одним из инструментов конструирования государственности и национальной идентичности. Однако может ли современный человек идентифицировать себя с тем или иным государством и, следовательно, с той или иной национальной историей? Один из ведущих теоретиков глобализации, Э. Гидденс, утверждает, в частности, что идентичность в современном обществе «отрывается» от конкретного местоположения, территории и традиционных рамок нации и этничности, классовых различий. При этом вопрос самоидентификации приобретает особую остроту, которой он не имел в прошлом, т.к. идентичность больше не рассматривается как заданная рядом считающихся объективными констант, а превращается в бесконечный процесс самоидентификации¹⁴. В этой связи представляет интерес введение П. Нора такого концепта, как «память», противопоставляемого истории. Память всегда предполагает переживание, некий экзистенциальный опыт. Однако память сегодня также экстерииоризируется и конструируется заново в системе особых локусов, которым П. Нора дает название «места памяти». Используя терминологию

¹² *Kavanagh G. Making Histories, Making Memories // Making Histories in Museums. Ed. by G. Kavanagh. Leicester, 1999. P. 1-14.*

¹³ *Нора П. Франция-память. СПб., 1999.*

¹⁴ *Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.*

М. Фуко, можно сказать, что места памяти (в том числе, музеи) представляют собой своего рода дискурсивную практику, позволяющую осуществить идентификацию субъекта с той или иной общностью.

В своей работе Г. Каванах ссылается также на концепцию Ш. Энниса, утверждающего, что музей может являться воплощением трех типов символического пространства¹⁵. Во-первых, это когнитивное пространство, то есть тот материал, который предлагается для восприятия и интерпретации, собственно, сама экспозиция. Когнитивное пространство является доминирующей и наиболее очевидной частью «производства истории» в музее. Вторым видом пространства является социальное пространство, в которое посетители вовлекаются независимо от характера экспозиции. Музей часто посещают с друзьями, родственниками, детьми, то есть он является местом, где становится возможным обмен опытом и воспоминаниями. При этом предметом обсуждения может стать вовсе не экспозиция, а любые проблемы повседневной жизни. И, наконец, музей также может быть и «пространством мечты», что и позволяет ему функционировать в качестве «места памяти», в том случае, если посетитель реагирует на увиденное особым, все еще достаточно редким, по мнению автора, глубоко личным образом. В случае с национальной идентичностью, эти переживания могут быть также и травматичными. В частности, можно задаться вопросом о том, какие смыслы являются наиболее значимыми с точки зрения формирования постсоветской идентичности в целом, или, в частности, идентичности современного россиянина.

Отметим, что способность музея провоцировать переживания вовсе не оставалась незамеченной музеологами прошлого. Более того, одной из задач музея являлось направление данного аффекта в желаемое русло, например, укрепление национальной гордости, воспитание любви к родине. Весьма показательным примером в данном случае являются так называемые *Heimatsmuseen* (что условно можно перевести как «музеи родного края») в Германии конца XIX – начала XX вв. История *Heimatsmuseen* интересна тем, что, с одной стороны, создание подобной сети было передовым опытом в музейном деле своего времени, в частности, там применялись новые принципы экспонирования (воссоздание предметной среды), подчеркивалась роль музея в жизни общины, стимулировался интерес к народной культуре. В то же время, музеи такого типа активно использовались для насаждения нацистской идеологии, а их научные принципы, сводившиеся к систематической организации экспозиции, служили своего рода легитимацией ее идеологического содержания (в том числе прояснение особенных черт «немецкого характера» и немецкой культуры и их отличий от других, репрезентации расовых различий).

Неоднозначная оценка роли *Heimatsmuseen* нашла отражение в статье А. Крус-Рамиреза «*Heimatsmuseum: извращенный предшественник*»¹⁶. Ученый приводит выдержки из предвоенных выпусков журнала «Музейон», где связь между *Heimatsmuseen* и формиро-

¹⁵ Annis S. The museum as starting ground for symbolic action // *Museum*. 1986. № 151. P. 168-171. Эта идея также развивается в книге: *Kavanagh G. Dream spaces: memory and the museum*. Leicester, 2000.

¹⁶ *Crus-Ramirez A. Heimatmuseum: a perverted forerunner* // *Museum*. 1985. № 148. P. 242-244.

ванием национальной идеологии прослеживается особенно ясно. Так, в номере за 1935 г. активисты движения О. Леманн и Й. Клерш рассматривали растущее число местных музеев как реакцию на кризисную ситуацию, связанную с войной и экономической депрессией. По их мнению, Heimatmuseum отражает потребность в обретении стабильности и социальной сплоченности: «Возрождение силы и мощи нации в послевоенный период привело к далеко идущим изменениям в этой области; по мере того, как публика утрачивает интерес к традиционным музеям, она демонстрирует возрастающий интерес к Heimatmuseum». О. Леманн рассматривает этот процесс как воплощение национального духа, «напора со стороны изначальных сил»¹⁷. Таким образом, отмечает А. Крус-Рамирез, мы видим, что немецкие кураторы хорошо осознают связь между социальным кризисом и появлением музея нового типа, воспринимающегося как почти инстинктивное выражение привязанности к «родной земле».

Интересный материал для осмысления роли дискурса национального в современной музейной практике (и в целом о роли музея в обществе) дает сопоставление работы современного исследователя, каковым является А. Крус-Рамирез, с публикацией 1951 г. в том же журнале «Museum»¹⁸. Статья Вильгельма Песслера «Heimatismuseen Германии», очевидно, имеет своей целью познакомить европейского читателя с передовым опытом, накопленным немецкими музеями. Во всяком случае, В. Песслер говорит о Heimatmuseum как о явлении малоизвестном в Европе, несмотря на то, что Германия насчитывает сотни музеев подобного типа. При этом идеологическое значение музея обходится молчанием, тогда как всячески подчеркивается его образовательная и просветительская роль (музей, с точки зрения автора, имеет перед собой две цели: распространение знаний и внедрение «высоких идеалов»)¹⁹, научные принципы организации экспозиции, взаимодействие с местными жителями, развитие социальной кооперации и укрепление единства местного сообщества.

В. Песслер подчеркивает, что коллекции, организованные в соответствии с научными или образовательными принципами, могут предложить посетителю ценную информацию о его родине в легкой для восприятия форме. Научно организованная экспозиция поможет человеку внести больше порядка в его повседневное окружение. Таким образом, те аспекты репрезентации национального, которые современному исследователю кажутся сомнительными и даже «извращенными», словно бы не замечаются, или рассматриваются как само собой разумеющиеся в статье, опубликованной через несколько лет после завершения Второй мировой войны. Возможно, что подобная «переоценка ценностей» связана с пересмотром статуса истории как метанарратива, а также пересмотром значения «национального».

Попытка определить роль музея в современных условиях представлена в упоминавшейся выше статье Ш. Макдональд «Музеи, национальная, постнациональная и транскультурная идентичности»²⁰. С точки зрения данного исследователя, артикуляция пост-

¹⁷ Ibid. P. 242.

¹⁸ Pessler W. Heimatismuseen of Germany // Museum. 1951. № 2. P. 97-103.

¹⁹ Ibid. P. 101.

²⁰ Macdonald Sh. J. Museums, national, postnational and transcultural identities. P. 1-16.

национальной идентичности связана с рядом проблем. Наиболее очевидный риск – рассматривать идентичность как нечто застывшее, поддающееся «музеефикации». Возможный выход заключается в том, чтобы понимать национальную идентичность как существующую независимо от пространства и времени, то есть отказаться от контекста истории и территории и сконцентрироваться на отношениях «человек – предмет», воссоздавая сеть отношений и практик, окружающих вещь. В качестве успешного примера того, каким образом музейный потенциал может быть задействован в процессе формирования идентичности нового типа, Ш. Макдональд приводит опыт Транскультурной галереи в Брэдфорде (Англия).

Транскультурная галерея была открыта в 1997 г. как «первая в стране не-колониальная коллекция». Она была организована на базе музея, существующего с 1904 г., большая часть экспонатов которого представляла английскую, а также в целом европейскую культуру. Однако за прошедшее со дня основания галереи столетие этнический состав жителей города претерпел серьезные изменения. На начало 1990-х гг. Брэдфорд представлял собой город со значительной долей населения индо-пакистанского происхождения, иммигрантов из стран Африки и Карибского региона и серьезной напряженностью в сфере межнациональных отношений. Помимо проблемы взаимодействия между коренными жителями и иммигрантами, в городе также имелись и другие противоречия. Например, между представителями различных этнических групп: потомками иммигрантов из Ирландии, Германии, Польши, Украины, Италии, проживавших в Брэдфорде с начала XX в. Что касается неевропейского населения, то помимо выходцев из Южной Азии (различающихся как по происхождению – из Индии, Пакистана, Бангладеш, так и по религиозной принадлежности – мусульмане, индуисты, сикхи, а также и по языку), имелись существенные различия между представителями различных возрастных групп, в частности, молодыми людьми, родившимися и получившими образование в Англии, и представителями старшего поколения.

Основной задачей, поставленной перед новым куратором, которым стала Нима Пувайя Смит, было привлечение новой публики, включая выходцев из южной Азии, которые, составляя значительную долю населения города, тем не менее, редко посещали музей, так как не ассоциировали его со «своей» культурой. Очевидно, что стремление привлечь в музей новую публику было обусловлено значением, приписываемым музеем в деле выражения и формирования идентичности местного сообщества. Возможно, эта задача была признана важной в силу постоянных межнациональных конфликтов, имевших место в городе. Отметим, что данный подход являлся новаторским еще в начале XX в., однако к концу 1980-х гг. стал доминирующим в осмыслении роли и функций местных музеев. Основная сложность, с которой столкнулись кураторы, заключалась в том, что выстраивать политику музея, апеллируя к общности истории и происхождения (т.е. дискурсу национального), в современных условиях оказалось невозможным в силу этнической и культурной гетерогенности потенциальной аудитории. Традиционная модель конструирования идентичности предполагала бы ассимиляцию культур иммигрантов культурой принимающей их страны. Однако данная схема оказывается неэффективной в современных условиях, в том числе и потому, что публика имеет возможность просто игнорировать существование музея в том

случае, если музей не выражает ее интересов. Отметим, что эта проблема сегодня является актуальной и для российской действительности, поскольку музеи, как правило совершенно не выражают того опыта межкультурного и межнационального взаимодействия, который является повседневной реальностью любого крупного города. Ситуация усугубляется также тем, что сегодня сохранению культурных различий способствует развитие СМИ и средств коммуникации, благодаря чему иммигрантам удается поддерживать более интенсивную связь со своей родиной, чем это было возможно в прошлом, и не испытывать необходимости интегрироваться в новую культуру.

Таким образом, задача нового музея заключалась в артикуляции новой – мультикультурной и плюралистической – идентичности, которая могла бы выразить интересы всех групп населения и способствовать преодолению противоречий между ними. По мнению Н. Пувайя Смит, в сложившейся ситуации было бы ошибочным фиксировать и музеефицировать различия между сообществами, поэтому основная идея, предложенная кураторами, заключалась в том, чтобы сделать акцент на подвижности культурных границ и идентичностей, а в качестве теоретической базы были привлечены концепции таких авторов, как Гайатри Спивак и Эдвард Саид, осуществляющих в своих работах последовательную критику европоцентризма и колониализма. Поэтому при создании экспозиции акцент был сделан не столько на демонстрации особенностей отдельных национальных культур, сколько на выявление взаимосвязей между ними, и, кроме того, было принято решение отказаться от исторического и регионального принципов организации. Для того чтобы вызвать у этнических сообществ интерес к музею, была проведена серия временных выставок, представляющих национальные традиции в искусстве и ремеслах. Важным моментом в подготовке экспозиций стали консультации с представителями национальных общин²¹. При этом Н. Пувайя Смит, описывая переговоры как весьма сложный и противоречивый процесс, отмечает, что мнение общины, хотя и является важным, но не может служить непосредственным руководством к действию, поскольку с одной стороны представители общины стремятся представить свою культуру в наиболее выгодном свете, избегая возможных острых тем, с другой стороны, внутри общины отмечается противоречивая реакция представителей разных групп (возрастных, социальных), что также не дает возможности говорить о национальной идентичности как о чем-то гомогенном и устойчивом.

Пример Транскультурной галереи в Брэдфорде представляет несомненный интерес. Очевидно, что предложенные методы музейной работы применимы далеко не во всех случаях, и могут быть подвергнуты критике, в первую очередь, за очевидную идеологическую ангажированность. Однако этот опыт позволяет по-новому поставить вопрос об отношении музея и публики и роли музея в формировании идентичности человека в современном обществе. В условиях, когда дискурс национального лишается своих легитимирующих осно-

²¹ *Poovaya Smith N. Exhibition and audience: catering for a pluralistic public // Museum languages. Objects and Texts. Ed. by G. Kavanagh. Leicester, 1991. P. 119-134.*

ваний, музей должен искать средства выразить новые социальные смыслы, оставаясь при этом важнейшим институтом сохранения наследия и научным центром.

Информация о статье

Автор: Беззубова Ольга Владимировна – канд. филос. наук, доцент, Россия, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет. bezzubova_olga@mail.ru

Заглавие: Современный музей как инстанция дискурса «национального».

Абстракт: Статья посвящена проблеме осмысления функции современного музея в отношении проблемы национального. На протяжении как минимум двух последних столетий европейский музей являлся инструментом формирования национальной идентичности и единства во всех формирующихся национальных государствах. Сегодня, когда представление о национальной идентичности вытесняется новыми понятиями, такими как пост-национальная или транскультурная идентичность, возникает вопрос, способен ли музей как социальный институт выразить эти новые смыслы. Основным положением статьи является то, что музей нельзя рассматривать как автономное явление культуры, поскольку его институционализация была обусловлена рядом дискурсивных практик, таких как наука, система образования, политика, идеология. В качестве иллюстрации рассматривается ряд исторических и современных примеров, в частности, немецкие «Heimatsmuseen» и Транскультурная галерея в Брэдфорде. В статье также затрагивается ряд современных концепций, предлагающих новое теоретическое осмысление места музея в современном мире.

Ключевые слова: музей, национальное, постнациональное, транскультурное, идентичность, дискурс, дискурсивная практика.

On article

Author: Bezzubova Olga Vladimirovna – Candidate of Science in Philosophy, Associate Professor, Russia, Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. bezzubova_olga@mail.ru

Title: Modern museum as the «national» discourse instance.

Abstract: The main point taken under consideration is what function could perform the contemporary museum with regard to the problem of national. Throughout two centuries at least the European museum was an instrument for creation a national identity and unity in all emerging national states. Nowadays, when national identity is replaced by the new one – the post-national or trans-cultural identity, the main question is does the museum as a social institute is able to express these new meanings. The essential statement of article is that the museum couldn't be treated as an autonomous cultural phenomenon and its institutionalization was provided by the multiple discursive practices, such as the science, the education system, the politics, and the ideology. To illustrate this point some case studies for example the German “Heimatsmuseen” and The Transcultural Gallery in Bradford are taken under consideration. The article deals also with some contemporary conceptions giving the new theoretical interpretations of museum's role in modern world.

Key words: museum, national, post-national, transcultural, identity, discourse, discursive practice.